

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ В СТРАНАХ АФРИКИ

Чжан Юйлин¹, Ю. И. Малевич²

¹*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, xz936958658@sina.com*

²*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, MalevichYI@bsu.by*

В статье рассматривается политика «мягкой силы» Китая в странах Африки, которая осуществляется в XXI веке. Автор отразил политические взгляды КНР и африканских стран, политические, экономические и культурные интересы в рамках политики «мягкой силы», связанные со странами Африки и КНР.

Ключевые слова: международные отношения; внешнеполитическая концепция; политика «мягкой силы»; КНР; страны Африки.

IMPLEMENTATION OF CHINA'S SOFT POWER POLICY IN AFRICAN COUNTRIES

Chzhang Yu Lin^a, Y. I. Malevich^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, Minsk, 4, 220030, Belarus.*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, Minsk, 4, 220030, Belarus
Corresponding author: Chzhang Yu Lin (xz936958658@sina.com)*

The article discusses the policy of “Soft Power” by China in Africa which is being implemented in the 21st century. The author reflected the views of both the PRC and African countries on the basis of politics, economic & cultural interests in the framework of the “Soft Power” policy associated with The PRC and Africa.

Keywords: international relations, foreign policy concept, politics «soft power», China, African countries.

Выбор Китаем политики «мягкой силы» в отношении стран Африки обусловлен стремлением перейти в группу стран «сверхдержавы» (по классификации Лю Липина), для чего требуется существенно усилить свое влияние в других регионах мира. Политика «мягкой силы» дает возможность сформировать значимое политическое и экономическое влияние Китая в странах Африки, создав одновременно имидж «заботливого отца», способствующего созданию и развитию инфраструктуры на континенте. С позиции «заботливого отца» Китай последовательно проходит шаги, необходимые для превращения в глобальную державу – актора многополярного мира [1, с.41].

Следует учитывать, что в китайской и зарубежной научной литературе до настоящего времени нет единого подхода к пониманию специфики процесса превращения Китая в глобальную державу с помощью политики «мягкой силы». В соответствии с первым подходом, сложившаяся в мире система политических отношений является достаточно жестко структурированной и сложно поддается значимым изменениям. Следовательно, существующий мировой порядок является устойчивым и обеспечивает поддержание стабильности в политике, нивелируя воздействие внешних шоков. Быстрое наращивание политического влияния Китая в Африке рассматривается как внешний шок и попытка пересмотра существующего порядка развития политических связей, с чем нельзя согласиться в полной мере. Несомненно, Китай стремится преодолеть ограничения, созданные существ-

вующим порядком мировой политики, однако не призывает к его пересмотру либо реформированию. Политика «мягкой силы» представляет собой альтернативный подход к наращиванию политического влияния в мире, позволяющий обойти препятствия и минимально затрагивать интересы других акторов [2, с.13].

Согласно второму подходу международная система политических отношений рассматривается как «международное общество». Соответственно, Китай и другие участники мировой политики соблюдают стандарты поведения, принятые в современной практике. Однако в рамках данного подхода следует помнить, что нормы принятия политических решений и отстаивания внешнеполитических интересов, принятые в странах Запада, чужды китайским традициям и не могут быть в полной мере использованы китайским руководством. В свою очередь, политика «мягкой силы», разработанная китайскими учеными и руководителями, основывается на традициях конфуцианства и учитывает особенности китайского общества, что не позволяет использовать ее в практике других стран. С точки зрения автора, именно несоответствие принятых стандартов поведения потребностям и интересам Китая в значительной степени обусловило появление концепции «мягкой силы», не характерной для других неевропейских стран. Данный подход наиболее полно объясняет действия Китая в странах Африки [2, с.15].

Согласно третьему подходу Китай, несмотря на особенности своей социально-экономической модели, является социальным государством и подвержен международному влиянию. Соответственно, сотрудничество Китая с международными организациями будет способствовать постепенному его вовлечению в мировой политический порядок и может привести к отказу от политики «мягкой силы» в пользу традиционных инструментов наращивания политического влияния. Однако, на взгляд автора, применительно к Китаю данный подход несостоятелен, так как вероятность перехода Китая к традиционному набору инструментов политического влияния в Африке крайне мала. Следует ожидать постепенной модификации политики «мягкой силы» с учетом накопленного в африканских странах опыта, усиления ее дифференциации в разрезе отдельных государств и их групп [2, с.16].

Активизация политики «мягкой силы» в Африке в XXI в. также обусловлена состоянием самого Китая, которое, по мнению вице-президента Академии современных международных отношений Ван Цзайбаня, может быть описано как «период стратегических возможностей» («the strategic opportunity period»), измеряющийся в характеристиках времени, пространства и ценностей. Использование Китаем периода стратегических возможностей в Африке ориентировано на формирование образа миролюбивой нации, стремящейся к достижению глобальной стабильности и решению местных и региональных конфликтов. Китай не допускает инициации новых конфликтов в Африке, связанных с наращиванием своего политического и экономического влияния, решая их без привлечения военной силы, чтобы минимизировать внимание прессы и других акторов мировой политики. Также Китай не практикует силовой захват месторождений природных ресурсов, приобретая их открыто в соответствии с местным законодательством. Однако инфраструктурные проекты, реализуемые Китаем на территории стран Африки, в значительной степени подчинены собственным интересам КНР и связаны с обеспечением снабжения КНР природными ресурсами и продуктами их переработки. Добывающий сектор экономики африканских стран постепенно выходит из-под контроля национальных правительств. Остается открытым вопрос, связанный с направлениями реформирования политики «мягкой силы» в случае подъема националистических настроений и протестов против китайского контроля за добывающими мощностями африканских стран [3, с.14].

Существует обоснованное мнение, что «мягкая сила» не является единственной моделью действий Китая на континенте и при изменении ситуации возможно

проявление «жесткой силы». Достаточную известность в китайской научной литературе получила концепция «комплексной мощи государства», в значительной степени дополняющая и развивающая идеи Ф. Ная о «мягкой силе государства», а также адаптирующая их с учетом китайской специфики. «Мягкая сила» действенна и эффективна в ситуации, когда африканские государства заинтересованы в усилении сотрудничества с Китаем, активность других акторов слаба, а внутренние интеграционные институты, способные самостоятельно проводить региональную политику, отсутствуют или слабы, что имеет место в настоящее время. В качестве эпизодически применяемого инструмента воздействия Китаем рассматривается т.н. «жесткая сила», включающая в т.ч. военные операции, однако без веских причин Китай, на взгляд автора, не намерен отходить от политики «жесткой силы». Как замечает один из авторов концепции «комплексной мощи китайского государства» Х. Шофэн, успех политики «мягкой силы» в сочетании с «жесткой силой» невозможен без третьего элемента – координирующей роли государства. Это политические структуры Китая, непосредственно принимающие решения в области сотрудничества со странами Африки. Координирующая роль китайского государства непосредственно проявляется на африканском континенте в виде обеспечения взаимосвязи экономических и социальных проектов в различных отраслях для достижения поставленных целей: защиты китайских экономических и политических интересов, формирования имиджа «добротного Китая» [4, с.115].

Во многих регионах мира политическая экспансия Китая осуществлялась через интеграционные объединения, что позволило сократить временные затраты и упростить процесс наращивания политического и экономического влияния. Однако в Африке Китай в рамках политики «мягкой силы» избрал иной подход. Степень влияния Африканского союза на процессы, происходящие в отдельных странах Африки, невелика, в связи с чем КНР выбрала вариант развития политических и экономических отношений с отдельными странами. Изначально в качестве перспективных партнеров рассматривались страны, обладающие региональным влиянием (например, ЮАР), а также страны, имеющие значимые запасы природных ресурсов, необходимых для китайской экономики. Соответственно, реализация политики «мягкой силы» Китаем усложнилась из-за увеличения количества партнеров, имеющих конфликты между собой (для стран Африки характерна политическая нестабильность и большое количество переворотов). Для успешного достижения положения глобальной державы Китай стремится преодолеть существующую политическую нестабильность в Африке, что создает угрозы для транспортировки в КНР ресурсов и продуктов их переработки. Однако, на взгляд автора, без помощи в создании наднациональных политических и финансовых институтов стабильность на африканском континенте недостижима. Политика «мягкой силы», на наш взгляд, не предполагает активного участия Китая в формировании политических органов власти на континенте (например, Африканского парламента), однако допустимой видится возможность участия Китая в формировании наднациональных финансовых институтов (в частности, Африканского инвестиционного банка). Получение Китаем большинства в руководящих органах инвестиционного банка позволит определять перспективные направления развития экономики континента в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Создание региональных финансовых институтов, не зависящих от действий МВФ и Всемирного банка, в значительной степени снизит зависимость африканского континента от западных стран. Созданный на основе финансовых ресурсов КНР инвестиционный банк ускорил бы интеграционные процессы в Африке, наполнив концепцию Африканского союза содержанием и позволив достигнуть поставленных в 2002 г. целей. В отличие от действий западных стран, политика «мягкой силы» Китая в Африке способна значимо улучшить условия для формирования на кон-

тиненте единого интеграционного объединения, обладающего возможностями оперативно решать возникающие политические, экономические и военные конфликты. Китай при этом сохраняет за собой роль «добротца», непосредственно не вмешивающегося в повседневную жизнь стран Африки, однако поддерживающего их в сложных условиях. В итоге имидж КНР в Африке будет укрепляться и улучшаться [5, с.20].

Характерной особенностью реализации политики «мягкой силы» в странах Африки является отсутствие опоры на китайскую диаспору (хуацяо). Формирование значимого континента китайских граждан в Африке произошло уже в процессе реализации политики «мягкой силы», основными представителями являются специалисты в различных областях деятельности, приехавшие для реализации крупных инвестиционных проектов. В то же время культурная интеграция рассматривается Китаем как важная составляющая политики «мягкой силы», в качестве основы для формирования аналога китайской диаспоры могут рассматриваться граждане Африки, прошедшие обучение в китайских учебных заведениях и воспринявшие китайскую философию жизни, лежащую в основе модели социально-экономического развития КНР. Успешное проведение в странах Африки реформ на основе китайской модели невозможно без наличия достаточного объема образованных граждан, являющихся сторонниками китайского опыта хозяйствования и носителями китайской культуры. Соответственно, постепенное увеличение численности африканцев, выступающих адептами культурных ценностей Китая, может послужить заменой традиционной диаспоре и создать условия для постепенного распространения китайской модели социально-экономического развития в Африке. Видится необходимым создание комплексной программы развития образовательного и культурного сотрудничества КНР и Африканского союза, предполагающей отбор одаренной молодежи среди жителей африканских стран, направление их для получения среднего специального и высшего образования в КНР за счет средств принимающей стороны, а затем возврат в страны Африки с условием отработки в течение определенного периода времени в учреждениях образования и культуры. Китай нуждается в агитаторах из числа африканцев, которые вызовут у населения большее доверие по сравнению с иностранцами, не владеющими местными языками.

Спорным моментом в политике «мягкой силы» Китая в Африке видится распространение конфуцианства. Во многих странах Африки сохраняются традиционные религии, христианство имеет ограниченное распространение. На наш взгляд, религиозную деятельность китайских священнослужителей следует сосредоточить в тех странах, где позиции христианства крайне слабы, чтобы избежать конфликтов с католической церковью. В то же время постепенное вытеснение местных религий за счет распространения конфуцианства не вызовет протестов со стороны мирового сообщества, однако существенно упростит понимание китайских ценностей и идей африканцами.

Таким образом, полноценное внедрение основ «китайской модели» в африканских странах потребует достаточно длительного времени. Однако уже сегодня с помощью политики «мягкой силы» Китай успешно решает задачу формирования имиджа «заботливого и добротца», сохраняя за собой право и возможность при необходимости применить «жесткую силу». В ближайшей перспективе, как представляется, усиление политического и экономического влияния Китая в Африке будет осуществляться неравномерно, при этом приоритетными останутся страны, обладающие значимыми запасами природных ресурсов, необходимых китайской экономике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Портяков, В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы / В.Я. Портяков. – М.: РАН, 2013. – 238 с.
2. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 223 с.
3. Ван, Ивэй. Один пояс и один путь / Ивэй, Ван. – Пекин: New World Press, 2017. – 261 с.
4. Харитонов, А.И. «Мягкая сила» с китайской спецификой / А.И. Харитонов // Вестник РГГУ. Серия Политология. – 2017. – с. 112-120
5. Бектурганова, П.Е. Эволюция внешнеполитических принципов Китая в середине XIX – начале XXI в.: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / П.Е. Бектурганова. – Алматы, 2008. – 25 с.

КИТАЙСКАЯ ИНВЕСТИЦИЯ В ПАКИСТАН И АФГАНИСТАН В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯСА И ПУТИ»

Ши Вэй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 806317090@qq.com*

Пакистан и Афганистан представляют собой государства-участники строительства «Пояса и Пути», способные оказывать большое влияние на региональную безопасность. Китай обращает большое внимание на эти две страны и инвестировал в их развитие в аналогичных областях, особенно в энергетику и развитие инфраструктуры. Представленный материал посвящен исследованию китайских инвестиционных проектов в Пакистан и Афганистан и возникших проблем в ходе их осуществления. Исследование китайских инвестиций в Пакистан и Афганистан имеет значение для анализа влияния инициативы «Пояса и Пути» на соседние страны и вклада Китая в защиту региональной безопасности. При этом, исследование этой темы способствует выявлению новой внешнеполитической стратегии Китая.

Ключевые слова: Китай; Пакистан; Афганистан; инвестиции; «Пояс и путь».

INVESTMENT OF CHINA IN PAKISTAN AND AFGHANISTAN UNDER BELT AND ROAD INITIATIVE

Shi Wei

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Pakistan and Afghanistan are participating States in the construction of the Belt and Road, at one time they can have a great impact on regional security. China pays great attention to these two countries and has invested in them in priority areas, especially in energy and infrastructure. This thesis explores Chinese investment projects in Pakistan and Afghanistan and the problems in the course of their construction. The study of Chinese investment in Pakistan and Afghanistan is important for analyzing the impact of the Belt and Road initiative on neighboring countries and China's contribution to protecting regional security. At the same time, the study of this topic helps to clarify the new foreign policy strategy of China.

Key words: China; Pakistan; Afghanistan; investment; belt and road.

Пакистан является одним из наиболее важных партнеров в рамках «периферийной дипломатии» Китая. При этом он выступает в качестве узлового государства Экономического пояса Шёлкового пути, в котором реализуется самая крупная программа сотрудничества в рамках «Одного пояса и одного пути». Афганистан представляет собой соседнюю страну, ситуация в которой может оказать большое влияние на строительство китайско-пакистанский экономического коридора.

Китайское правительство придает большое значение инвестициям в Пакистан и Афганистан, поскольку они рассматриваются как значимые элементы реализации инициативы «Пояса и пути». Экономический коридор между Китаем и Пакистаном